ГОФФМАН Э. СМУЩЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (Перевод с англ.)[1]

Ключевые слова: повседневная жизнь; взаимодействие лицом-к-лицу; смущение; Я; социальная организация.

Для цитирования: Гоффман Э. Смущение и социальная организация / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 1. – С. 140–155.

Перевод поступил: 16.10.2024.
Принят к публикации: 15.11.2024.

GOFFMAN E. Embarrassment and social organization (Translated from English)

Keywords: everyday life; face-to-face interaction; embarrassment; self; social organization.

For citation: Goffman E. Embarrassment and social organization. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology].– 2025. – N 1. – P. 140–155.

Received: 16.10.2024.
Accepted: 15.11.2024.

От переводчика. *Статья Эрвинга Гоффмана «Смущение и социальная организация» была впервые опубликована в 1956 г. и позже включена им (без изменений) в книгу «Ритуал взаимодействия» (1967). Эта книга полностью переведена на русский язык: Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу: пер. с англ. / под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. – Москва:*

[1] Перевод сделан по: *Goffman E.* Embarrassment and social organization // American journal of sociology. – 1956. – Vol. 62, N 3. – P. 264–271.

Смысл, 2009. Как и в других ранних переводах, в этом, при всех его достоинствах, еще не была вполне выверена необычная и местами откровенно странная гоффмановская терминология; иногда ее просто не видно. Предлагаемый ниже перевод сделан с намерением хотя бы на еще один шаг приблизить русскоязычного Гоффмана к оригиналу. Сегодняшнее состояние освоения наследия этого выдающегося американского социолога позволяет это сделать.

***

Индивид может распознать крайнее смущение в других и даже в самом себе по объективным признакам эмоционального волнения: румянцу на лице, неловкости, заиканию, необычно низкому или высокому голосу, дрожащему голосу или сбивчивой речи, потению, побледнению, морганию, дрожи рук, по колебанию или нерешительности в движениях, рассеянности и путанице в словах. Как отмечал по поводу застенчивости Марк Болдуин, могут быть «опущены глаза, голова склонена вниз, руки заложены за спину, пальцы могут нервно теребить одежду или быть сцеплены друг с другом, возможно заикание, при некоторой несвязности идеи, выраженной в речи»[1]. Есть также симптомы субъективного рода: спазм диафрагмы, ощущение пошатывания, осознание напряженных и неестественных жестов, ощущение оцепенения, сухость во рту и скованность мышц. В случае легкого замешательства эти зримые и незримые волнения происходят, но в менее ощутимой форме.

В расхожем представлении чувствовать себя непринужденно во время взаимодействия совершенно естественно, а смущение – досадное отклонение от нормального состояния. Индивид и в самом деле мог бы сказать, что чувствовал себя в ситуации «естественно» или «неестественно», имея в виду, что ему во взаимодействии было комфортно или он был смущен. Того, кто часто смущается в присутствии других, считают страдающим от глупого необоснованного чувства неполноценности и нуждающимся в терапии[2].

---

[1] *Baldwin J.M.* Social and ethical interpretations in mental development. – London: Macmillan & Co., 1902. – P. 212.

[2] Усложненной версией этого является психоаналитическое воззрение, толкующее скованность в социальном взаимодействии как результат нереалистических ожиданий внимания, основанных на неразрешенных ожиданиях в отношении родительской поддержки. Цель терапии, как предполагается, – привести

Чтобы использовать синдром волнения для анализа смущения, надо первым делом различить два рода обстоятельств, в которых он проявляется. Во-первых, индивид может быть взволнован, погрузившись в задачу, которая сама по себе не имеет для него особой ценности, с тем исключением, что его долгосрочные интересы требуют выполнить ее безопасно, компетентно или быстро, а он боится, что она ему не по плечу. Дискомфорт будет ощущаться *в* ситуации, но в каком-то смысле не *из-за* нее; на самом деле индивид часто будет неспособен справиться с ней попросту потому, что так тревожно поглощен таящимися за ней неожиданностями. Примечательно, что индивид может «нервничать», хотя никто при этом не присутствует.

Настоящая статья будет посвящена не этим случаям инструментальной взволнованности, а скорее тому ее виду, который проявляется в отчетливой связке с реальным или воображаемым присутствием других. Как бы там ни было, смущение связано с тем обликом, который индивид принимает перед другими, воспринимаемыми в данный момент как присутствующие[1]. Главной заботой здесь является впечатление, производимое на других в настоящем, – какова бы ни была долговременная или бессознательная основа

индивида к тому, чтобы он увидел свои симптомы в их истинном психодинамическом свете, с расчетом на то, что далее, возможно, он перестанет в них нуждаться (см.: *Schilder P.* The social neurosis // Psycho-analytic review. – 1938. – Vol. 25, N 1. – P. 1–19; *Piers G., Singer M.* Shame and guilt: a psychoanalytical and a cultural study. – Springfield, (IL): Charles C. Thomas, 1953. – Особенно p. 26; *Rangell L.* The psychology of poise // International journal of psychoanalysis. – 1954. – Vol. 35, N 3. – P. 313–332; *Ferenczi S.* Embarrassed hands // Further contributions to the theory and technique of psychoanalysis. – London: Hogarth press, 1950. – P. 315–316).

[1] Темы, развиваемые в этой статье, являются продолжениями тех, которые были освещены мной в работах: *Goffman E.* On face-work // Psychiatry. – 1955. – Vol. 18, N 3. – P. 213–231; *Goffman E.* Alienation from interaction // Human relations (в печати); *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. – Edinburgh: University of Edinburgh, Social Science Research Centre, 1956.

Статьи «О лицевой работе» и «Отчуждение от взаимодействия» позже, в 1967 г., были включены Гоффманом в книгу «Ритуал взаимодействия». См. рус. пер.: *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу: пер. с англ. / под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 2009. – С. 18–63, 138–164. Второе издание книги «Представление себя в повседневной жизни» 1959 г., ставшее каноническим, полностью переведено на русский язык А.Д. Ковалевым: *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. – Москва: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – *Прим. пер.*)

этой заботы. Эта колеблющаяся конфигурация присутствующих выступает важнейшей референтной группой.

Словарь смущения

Социальное столкновение – это событие взаимодействия лицом-к-лицу, начинающееся, когда индивиды опознают, что вошли в непосредственное присутствие друг друга, и заканчивающееся воспринятым выключением из взаимного участия. Столкновения заметно отличаются друг от друга по цели, социальной функции, роду и численности персонала, обстановке и т.д., и хотя здесь будут рассматриваться только разговорные столкновения, есть, очевидно, и такие, в которых не произносится ни слова. Вместе с тем по крайней мере в нашем англо-американском обществе, по-видимому, нет ни одного социального столкновения, которое не могло бы стать смущающим для одного или более его участников, давая возникнуть тому, что называют иногда инцидентом или фальшивой нотой. Вслушиваясь в этот диссонанс, социолог может выстроить обобщения о способах, которыми взаимодействие может пойти наперекосяк, и, следовательно, об условиях, необходимых для того, чтобы взаимодействие протекало правильно. В то же время он получает прекрасное свидетельство того, что все столкновения – члены одного естественного класса, укладывающиеся в единую рамку анализа.

Кем вызывается смущающий инцидент? *Для кого* он смущающий? *Относительно кого* испытывается это смущение? Не всегда участники испытывают смущение из-за незавидного положения отдельного индивида; оно может возникать в отношении пары участников, сообща переживающих трудности, и даже в отношении столкновения в целом. Кроме того, если индивид, в отношении которого ощущается смущение, воспринимается вдруг как ответственный представитель некоторой фракции или подгруппы (а это очень часто бывает при взаимодействии трех или более лиц), то члены этой фракции, вероятно, будут смущены – и смущены в отношении самих себя. Но хотя *gaffe*[1] или *faux pas*[2] могут означать, что отдельный индивид является одновременно причиной инцидента, тем, кто им смущен, и тем, из-за кого он испытывает смущение, этот случай, наверное, нетипичен, ведь в подобных во-

[1] Оплошность (фр.). – *Прим. пер.*

[2] Промах (фр.). – *Прим. пер.*

просах границы эго кажутся особенно зыбкими. Когда индивид попадает в ситуацию, которая должна бросить его в краску, другие присутствующие обычно будут краснеть вместе с ним и за него, хотя у него может не найтись достаточно чувства стыда или понимания обстоятельств, чтобы покраснеть за самого себя.

Слова «смущение», «замешательство» и «неловкость» используются здесь в континууме значений. Некоторые события смущения, видимо, имеют взрывной оргастический характер; за внезапным введением вызывающего беспокойство события сразу же следует пик переживания смущения, а затем постепенное возвращение к предшествующей непринужденности; все фазы заключены в одном столкновении. Скверный момент, стало быть, омрачает эйфорическую в прочих отношениях ситуацию.

На другом полюсе мы находим такие события смущения, которые поддерживаются на одном уровне в течение всего столкновения, начинаясь с началом взаимодействия и длясь до завершения столкновения. Участники говорят о неудобной или неловкой ситуации, а не о смущающем инциденте. В таком случае, конечно, инцидентом, вызывающим смущение, для одной или более сторон становится все столкновение. Взрывное смущение часто может быть сильным, длящаяся же неловкость чаще оказывается умеренной, заключая в себе едва заметные волнения. Столкновение, кажущееся способным внезапно вызвать смущение, может в силу этого бросить на участников тень стойкой неловкости, и это превращает все столкновение в инцидент как таковой.

Выстраивая картину смущенного индивида, мы опираемся на образы, взятые из механики: равновесие или самоконтроль могут быть потеряны, баланс может быть разрушен. Несомненно, физический характер волнения отчасти навевает эти образы. Во всяком случае, окончательно взволнованный индивид – это человек, неспособный в данный момент мобилизовать свои мышечные и интеллектуальные ресурсы на решение наличной задачи, хотя ему и хотелось бы это сделать; он не может выдать реакцию на тех, кто его окружает, которая позволила бы им ровно поддерживать разговор. Он и его взволнованные действия блокируют линию деятельности, которой до сих пор придерживались другие. Он присутствует вместе с ними, но он не «в игре». Другие могут быть вынуждены остановиться и направить свое внимание на помеху; тема разговора откладывается в сторону, и силы бросаются на задачу восстановления взволнованного индивида, старательного его игнорирования или выхода из его присутствия.

Вести себя во взаимодействии уверенно и быть смущенным – прямо противоположные вещи. Чем больше одного, тем меньше, в целом, другого; поэтому каждый из этих модусов поведения может через контраст пролить свет на характерные черты другого. Взаимодействие лицом-к-лицу в *любой* культуре, похоже, требует тех самых качеств, которые смущение, судя по всему, гарантированно разрушает. Следовательно, события, приводящие к смущению, и методы его избегания и избавления от него могут дать нам кросс-культурный каркас для социологического анализа.

Удовольствие или неудовольствие, которое доставляет индивиду социальное столкновение, и дружелюбие или враждебность, которые он испытывает к другим участникам, могут иметь больше чем одну связь с его самообладанием или его отсутствием. Комплименты, возгласы одобрения и внезапное вознаграждение могут вводить получателя в состояние радостной растерянности, а бурная ссора может затеваться и поддерживаться притом, что индивид от начала до конца будет сохранять хладнокровие и полностью владеть собой. Что еще важнее, есть такой вид комфорта, который выглядит формальным свойством ситуации и связан с той внутренней цельностью и решительностью, с которой индивид принимает хорошо интегрированную роль и преследует сиюминутные цели, никак не связанные с содержанием самих действий. Чувство замешательства *per se*, видимо, всегда неприятно, но обстоятельства, которые его пробуждают, могут иметь непосредственные приятные последствия для того, кто впал в это неловкое состояние.

Несмотря на эту изменчивую связь между неудовольствием и замешательством, взволнованный вид, по крайней мере в нашем обществе, считается признаком слабости, неполноценности, низкого статуса, моральной вины, поражения и других незавидных атрибутов. И, как прежде уже было предположено, волнение грозит самому столкновению прерыванием той ровной передачи и рецепции, которой столкновения поддерживаются. Когда из любого из этих источников возникает замешательство, взволнованный индивид по понятным причинам будет прилагать какие-то усилия, чтобы утаить свое состояние от других присутствующих. Застывшая улыбка, нервный наигранный смех, беспокойное движение рук, потупленный взгляд, скрывающий выражение глаз, – всем известные признаки попыток спрятать смущение. Как говорит лорд Честерфилд:

«Попав в общество, они стесняются и приходят в такое замешательство, что совершенно не знают, что делать, и вынуждены пускаться на всевозможные ухищрения только для того, чтобы не потерять самообладания, в дальнейшем же все эти ухищрения превращаются в привычки. Одни ковыряют в носу, другие почесывают затылок, третьи крутят в руках шляпу, словом, у каждого неуклюжего, невоспитанного человека есть свои особые выверты»[1].

Эти жесты снабжают индивида ширмами, за которыми он может спрятаться, пока пытается привести свои чувства в порядок и вернуть себя в игру.

При наличии у индивида желания скрыть свое смущение, при наличии определенной обстановки и его мастерства во владении собой, он может по каким-то очевидным признакам казаться уравновешенным, но в то же время по менее очевидным признакам оказывается смущенным. Так, выступая с речью на публике, он может преуспеть в контроле над своим голосом и производить ощущение непринужденности, и все же сидящие рядом с ним на сцене могут видеть его трясущиеся руки или лицевые судороги, уличающие в ложности его напускной спокойный вид.

Поскольку индивиду не нравится испытывать смущение или выглядеть смущенным, тактичные люди будут избегать ставить его в это положение. Вдобавок к тому они часто будут притворяться не знающими, что он потерял самообладание или имеет основания для того, чтобы его потерять. Они могут пытаться подавить признаки того, что заметили его состояние, или упрятать их за прикрывающим жестом того же вида, что и применяемый им. Так они оберегают его лицо и его чувства и предположительно упрощают для него возвращение хладнокровия или, по крайней мере, сохранение того, которое у него еще есть. Но как взволнованный индивид может не суметь скрыть свое смущение, так и те, кто воспринимает его дискомфорт, могут провалить свои попытки утаить свое знание, в результате чего все будут понимать, что его смущение увидено и что это видение – нечто такое, что нужно скрыть. Когда дело доходит до этого, обычную втянутость во взаимодействие может подстерегать мучительный конец. Во всем этом танце между утаивателем и теми, от кого утаивают, смуще-

[1] Letters of Lord Chesterfield to his son. – New York: E.P. Dutton & Co., 1929. – P. 80 (цит. в переводе А.М. Шадрина по изданию: *Честерфилд Ф.Д.* Письма к сыну. Максимы. Характеры. – 2-е изд. – Москва: Наука, 1978 – С. 54).

ние представляет ту же проблему, и обходятся с ним так же, как и с любым другим посягательством на приличия.

По-видимому, есть критическая точка, когда взволнованный индивид бросает попытки утаить или преуменьшить свою неловкость: он разражается слезами или судорожным смехом, скатывается в истерику, впадает в слепую ярость, падает в обморок, бросается к ближайшему выходу или входит в парализованное состояние, как при паническом приступе. После этого ему очень трудно восстановить самообладание. Он отвечает на новый набор ритмов, характерный для глубокого эмоционального переживания, и вряд ли может выдать даже бледное впечатление того, что во взаимодействии заодно с другими. Короче говоря, он отрекается от своей роли человека, который поддерживает столкновения. Этот момент кризиса, само собой, социально детерминирован: переломный момент для индивида совпадает с переломным моментом для группы, аффективных стандартов которой он придерживается. В редких случаях все участники столкновения могут миновать эту точку и сообща не удержать даже подобие обычного взаимодействия. Маленькая социальная система, созданная ими во взаимодействии, терпит катастрофу; они расходятся или торопливо пытаются принять новый набор ролей.

«Уравновешенность», «*sang-froid*»[1] и «самоуверенность», означающие способность сохранять самообладание, нужно отличать от того, что именуют «любезностью», «тактом» и «коммуникабельностью», т.е. от способности избегать причинения смущения себе или другим. Уравновешенность играет важную роль в коммуникации, давая гарантии того, что присутствующие будут исправно играть во взаимодействии свои роли и до тех пор, пока остаются в присутствии друг друга, продолжать принимать и передавать выверенные сообщения. Неудивительно, что испытание поддразниванием – это проверка, через которую проходит каждый молодой человек, пока не разовьет способность сохранять выдержку[2]. Не должно быть сюрпризом и то, что многие из наших

[1] Невозмутимость, хладнокровие, присутствие духа (фр.). – *Прим. пер.*

[2] Одна из интересных форм, в которых это испытание институционализировалось в Америке, особенно в негритянском обществе низшего класса, – это «игра в дюжины», или взаимное осыпание ругательствами (см.: *Dollard J.* The dozens: dialectic of insult // American imago. – 1939. – Vol. 1, N 1. – P. 3–25; Berdie R.F.B. Playing the dozens // Journal of abnormal and social psychology. – 1947. – Vol. 42, N 1. – P. 120–121). О поддразнивании в целом см.: *Sperling S.J.* On the

игр и видов спорта отдают дань теме выдержки и замешательства: в покере блеф может приносить деньги игроку, умеющему невозмутимо его преподнести; в дзюдо за сохранение и потерю выдержки специально ведут борьбу; в крикете при напряжении требуется удерживать самообладание, или «стиль».

Обычно индивид знает, что некоторые особые ситуации всегда создают ему неудобство и что у него есть некоторые «неудачные» связи, всегда вызывающие в нем чувство неловкости. Его каждодневный круг социальных столкновений, несомненно, во многом задан его основными социальными обязательствами, однако он немного отступает от натоптанного пути, чтобы находить ситуации, которые не будут для него смущающими, и обходить те, которые таковыми будут. Индивид, который твердо уверен в том, что ему недостает выдержки, возможно, даже преувеличивая свою слабость, робок и застенчив; пугаясь всех столкновений, он всегда старается сократить их или даже вообще избежать. Печальный пример – заика; здесь мы видим, какую цену может быть готов платить индивид за свою социальную жизнь[1].

Причины смущения

Смущение связано с несбывающимися ожиданиями, но по роду они не статистические. При данных социальных идентичностях и данной обстановке участники будут чувствовать, какой род поведения *должен* поддерживаться как уместный, как бы ни приводила их в отчаяние его действительная реализация. Индивид может уверенно ожидать, что от некоторых других ему будет не по себе, и все же это знание может усилить его замешательство, а не уменьшить. Совершенно неожиданная вспышка социальной инженерии может порой спасти ситуацию, тем эффективнее, чем более она неожиданна.

Ожидания, релевантные смущению, следовательно, будут моральными, но смущение возникает из нарушения не *любого* морального ожидания, ведь некоторые нарушения вызывают решительное моральное негодование и вообще не порождают никакой

psychodynamics of teasing // Journal of the American psycho-analytical association. – 1953. – Vol. 1, N 3. – P. 458–483.

[1] Ср.: *Heltman H.J.* Psycho-social phenomena of stuttering and their etiological and therapeutic implications // Journal of social psychology. – 1938. – Vol. 9, N 1. – P. 79–96.

неловкости. Скорее нам нужно взглянуть на те моральные обязательства, которые окружают индивида только в одном из его качеств, а именно человека, осуществляющего социальные столкновения. Индивид, конечно, обязан сохранять невозмутимость, но это говорит нам, что все идет хорошо, но не говорит почему. А дела идут хорошо или плохо в зависимости от восприятия социальных идентичностей присутствующих.

Во время взаимодействия от индивида ожидается, что он обладает определенными атрибутами, способностями и информацией, которые в сумме складываются в Я, являющееся связным единством и в то же время годное для данного события. Экспрессивными импликациями своего потока поведения, самим участием как таковым индивид действенно проецирует это приемлемое Я во взаимодействие, хотя сам он может этого не осознавать, а другие могут не сознавать себя так интерпретирующими его поведение. В то же время он должен принимать и чествовать Я, проецируемые другими участниками. Элементы социального столкновения, стало быть, состоят из действенно спроецированных притязаний на приемлемое Я и подтверждения подобных притязаний со стороны других. Вклады всех ориентированы на них и выстраиваются на их основе.

Когда некое событие бросает тень сомнения на эти притязания или их дискредитирует, столкновение оказывается в плену допущений, утративших силу. Реакции, к которым стороны изготовились, теперь неуместны и должны быть подавлены, а взаимодействие должно быть перестроено. В такие моменты индивид, над чьим Я нависла угроза (индивид, *из-за* которого испытывается смущение), и индивид, подвергший его угрозе, могут оба устыдиться того, что они сообща вызвали, разделяя это чувство как раз тогда, когда у них есть резон чувствовать себя разобщенными. И эта совместная ответственность единственно верна. По меркам более широкого общества стыд, возможно, должен испытывать только дискредитированный индивид; но по меркам маленькой социальной системы, поддерживаемой посредством взаимодействия, разоблачитель настолько же виноват, как и тот, кого он разоблачает, – а иногда даже больше, ведь если он выставлял себя тактичным человеком, то, разрушая образ другого, он разрушает и собственный.

Но, разумеется, на виновной паре или на тех, кто симпатически себя с ними идентифицировал, проблемы не останавливаются. Не имея устойчивого и легитимного объекта, на котором можно

было бы разыграть собственное единство, другие оказываются в зыбком и обеспокоенном положении. Вот почему смущение кажется заразительным и разбегается, однажды начавшись, волнами все расширяющегося замешательства.

Есть много классических обстоятельств, при которых Я, проецируемое индивидом, может быть дискредитировано, что заставляет его стыдиться и испытывать смущение за то, что он сделал или как будто бы сделал с самим собой и с взаимодействием. Пережить внезапное изменение в статусе, как, например, в случае заключения брака или продвижения по службе, значит приобрести Я, которое другие индивиды не примут полностью по причине их давней привязанности к старому Я. Просить работы, денежной ссуды или руки значит проецировать образ Я как достойный этого в условиях, когда у того, кто может дискредитировать это допущение, могут быть все основания это сделать. Копировать стиль тех, кто в профессиональном отношении или социально тебя превосходит, значит выдвигать притязания, которые вполне могут быть дискредитированы недостаточным знакомством с ролью.

Сама физическая структура столкновения обычно наделяется неявными символическими смыслами, которые порой заставляют участника помимо его воли проецировать притязания относительно самого себя, являющиеся ложными и смущающими. Физическая близость легко предполагает близость социальную, что знает каждый, кому доводилось попасть в тесное собрание, для него не предназначенное, и столкнуться с необходимостью поддерживать панибратский «маленький разговор» с кем-то слишком высоким, низким или странным, чтобы когда-либо быть братом. Схожим образом, если должен быть разговор, кто-то должен его инициировать, подпитывать и прекращать; и эти акты могут неуклюже предполагать ранги и власть, не согласующиеся с фактами.

Разным видам повторяющихся столкновений в данном обществе может быть свойственно общее допущение, что участники достигли определенных моральных, умственных и физиогномических стандартов. Человек, который из них выбивается, может всюду невольно попадать в капкан предъявления имплицитных притязаний на идентичность, которым он никак не может соответствовать. Находясь под угрозой в каждом столкновении, в которое он вступает, он поистине носит на себе колокольчик прокаженного. Индивид, в наибольшей степени изолирующий себя от социальных контактов, возможно, тогда наименее укрыт от требований общества. И если он только воображает, что обладает дисквалифици-

рующим атрибутом, то его суждение о себе, возможно, и ошибочно, но его воздержание от контакта в свете него будет резонным. Во всяком случае, чтобы решить, являются ли основания для застенчивости у индивида реальными или воображаемыми, нужно искать не «оправданные» дисквалификации, а куда более широкий круг характеристик, действительно расстраивающих столкновения.

Во всех этих обстановках проявляется одна и та же фундаментальная вещь: наличные экспрессивные факты ставят под грозу или дискредитируют допущения, которые участник, как он сам выясняет, спроецировал по поводу своей идентичности[1]. С этого момента присутствующие обнаруживают, что не могут ни обойтись без этих допущений, ни опереться в своих реакциях на них. Обитаемая реальность сжимается, пока каждый не начинает чувствовать себя «маленьким» или неуместным.

Следует добавить сюда одно усложнение. Часто важные повседневные события смущения возникают тогда, когда проецируемое Я каким-то образом сталкивается с другим Я, которое, имея силу в других контекстах, не может быть в данном случае удержано в гармонии с первым. Смущение, тем самым, приводит нас к вопросу о «сегрегации ролей». У каждого индивида имеется больше одной роли, но он оберегается от ролевой дилеммы «сегрегацией аудиторий», ибо обычно те, перед кем он разыгрывает одну из своих ролей, не будут теми индивидами, перед которыми он разыгрывает другую, и это позволяет ему быть в каждой из ролей разной персоной, не дискредитируя ни одну из них.

В каждой социальной системе, однако, бывают времена и места, где сегрегация аудиторий регулярно дает сбои, и индивиды сталкиваются друг с другом, обладая Я, несовместимыми с теми, которые они простирают друг на друга в других случаях. В такие времена смущение, особенно мягкого типа, ясно являет себя лока-

[1] Впридачу к другим своим затруднениям он еще и дискредитировал свое неявное притязание на выдержку. Он, следовательно, будет чувствовать, что у него есть причина смутиться из-за своего смущения, даже если никто из присутствующих мог и не заметить ранних стадий его замешательства. Однако нужна одна оговорка. Когда индивид, получая комплимент, краснеет от скромности, он может потерять свою репутацию невозмутимого человека, но может подтвердить более важную – репутацию человека скромного. Если он чувствует, что в его досаде нет ничего стыдного, его смущение не будет приводить его в замешательство. С другой стороны, когда смущение ясно ожидается как резонная реакция, тот, кто так и не смутился, может предстать бесчувственным и далее уже смутиться из-за этого своего вида.

лизованным не в индивиде, а в социальной системе, в которой у него есть несколько разных Я.

Область смущения

Начав с психологических соображений, мы постепенно пришли к структурной социологической точке зрения. Прецедент этого мы находим у социальных антропологов в их анализе подшучивания и избегания. Мы исходим из того, что смущение – нормальная часть нормальной социальной жизни, и индивиду становится неловко не потому, что он лично плохо приспособлен, а скорее потому, что это не так; предположительно каждый с его комбинацией статусов поступал бы так же. При эмпирическом изучении отдельной социальной системы первое, что нам нужно узнать, – это какие категории лиц в каких повторяющихся ситуациях оказываются смущенными. Второй целью должно быть выяснение того, что случилось бы с социальной системой и рамочной структурой обязательств, если бы смущение не было систематически в нее встроено.

Иллюстрацию можно взять из социальной жизни крупных социальных учреждений – офисных комплексов, школ, больниц и т.д. Здесь в лифтах, холлах, буфетах, у досок объявлений, торговых автоматов, стоек с закусками и на входах все члены часто формально находятся в равных условиях, хотя и держатся на дистанции[1]. В терминах Бенуа-Смульяна, здесь выражается ситус, а не статус или локус[2]. На эти отношения равенства и дистанции накладывается еще один набор отношений, складывающийся в рабочих командах, члены которых ранжируются такими вещами, как престиж и авторитет, и все же удерживаются вместе совместным делом и личным знанием друг друга.

---

[1] Это равное и совместное членство в крупной организации часто ежегодно отмечают на офисных гулянках и любительских капустниках, подчеркнуто исключающих аутсайдеров и наспех состряпывающих ранг инсайдеров.

[2] *Benoit-Smullyan É.* Status, status types, and status interrelations // American sociological review. – 1944. – Vol. 9, N 2. – P. 151–161. Некоторым образом притязание на равное институциональное членство подкрепляется в нашем обществе установлением, что мужчины должны оказывать маленькие любезности женщинам; все прочие принципы, такие как разграничения между расовыми группами и профессиональными категориями, должны быть подавлены. Следствием оказывается подчеркивание ситуса и равенства.

Во многих крупных учреждениях скользящий график работы, раздельные буфеты и т.п. помогают гарантировать, что те, кто расставлены по рангу и близки в одном наборе отношений, не будут вынуждены попадать в ситуации физической близости, в которых от них ожидается поддержание равенства и дистанции. Демократическая ориентация некоторых наших новейших учреждений, однако, все чаще сводит по-разному размещенных членов одной и той же рабочей команды в таких местах, как кафетерии, вызывая в них неловкость. У них нет такого способа действия, который бы не нарушал один из двух базовых наборов отношений, в которых они друг с другом находятся. Эти затруднения особенно часто возникают в лифтах, где эти индивиды, отнюдь не состоящие в пани-братских отношениях, должны оставаться какое-то время слишком близко друг к другу, чтобы игнорировать возможность неформального разговора; для кого-то эта проблема решается, конечно, специальными лифтами для руководства. Смущение, стало быть, встроено в учреждение экологически.

Ввиду обладания множественными Я индивид может обнаружить, что в некоторых случаях от него требуется одновременно присутствовать и не присутствовать. Отсюда замешательство: индивид оказывается в раздрае, пусть и умеренном. Колебаниям его поведения соответствуют колебания его Я.

Социальная функция смущения

Когда над спроецированным Я индивида во время взаимодействия нависает угроза, он может, сохраняя выдержку, подавить все признаки стыда и смущения. Ровный ход столкновения не нарушается никакими волнениями или попытками скрыть, что они замечены; участники могут продолжать вести себя так, как если бы никакого инцидента не произошло.

При спасении ситуаций, однако, кое-что важное может утрачиваться. Выказывая смущение при невозможности быть ни одним из двух людей, индивид оставляет открытой возможность того, что в будущем сможет действенно быть любым из них[1]. Его роль в

[1] Схожий довод привел Сэмюэл Джонсон в статье «О застенчивости»: «Обычно случается так, что уверенность идет вровень со способностями; и страх перед ошибкой, сковывающий наши первые попытки, постепенно рассеивается по мере того, как умение наше продвигается к неминуемому успеху. И потому застенчивость, предотвращающую позор, этот короткий временный стыд, кото-

текущем взаимодействии и даже само столкновение могут быть принесены в жертву, но он демонстрирует, что хотя и не может представить устойчивое и связное Я в этом событии, но все же, по крайней мере, этим расстроен и может оказаться на высоте в другое время. Соответственно, смущение – это не иррациональный импульс, пробивающийся сквозь социально предписанное поведение, а часть самого этого упорядоченного поведения. Волнения – крайний пример того важного класса актов, которые обычно совершенно спонтанны и все же являются не менее требуемыми и обязательными, чем выполняемые с самосознанием.

За конфликтом в идентичности кроется более фундаментальный конфликт – конфликт организационного принципа, ибо Я во многих смыслах состоит просто в применении легитимных организационных принципов к самому себе. Человек выстраивает собственную идентичность из притязаний, которые, будучи отвергнутыми, дают ему право испытать праведный гнев. За притязаниями ученика на полное участие в пользовании определенными заводскими удобствами стоит организационный принцип: все члены учреждения в некоторых отношениях равны как члены. За требованием специалиста на подобающее финансовое признание стоит принцип, что тип работы, а не просто работа определяет статус. Неловкости ученика и специалиста, когда они одновременно подходят к будке с выдачей «Кока-Колы», выражают несовместимость организационных принципов[1].

Принципы организации любой социальной системы в некоторых точках обычно входят в конфликт. Вместо того чтобы позволить конфликту выразиться в столкновении, индивид ставит себя между противоположными принципами. Он на мгновение жертвует своей идентичностью, а иногда и столкновением, но

рый оберегает нас от опасности долгих укоров, неправильно будет относить к числу наших несчастий» (*Johnson S.* On bashfulness // The Rambler. – 1751. – N 139).

[1] В такие моменты иногда происходит «подкалывание». Говорят, что это средство снятия напряжения, вызванного либо смущением, либо чем-то, вызвавшим смущение. Но во многих случаях этот вид подшучивания – способ сказать, что то, что происходит в этот момент, – это не всерьез и не по-настоящему. Преувеличения, притворные оскорбления, притворные притязания – все это сводит серьезность конфликта на нет, отказывая самой ситуации в реальности. И то же самое, конечно, но по-другому делает смущение. Отсюда естественно, что смущение и подшучивание встречаются вместе, ведь оба они помогают в отрицании одной и той же реальности.

принципы сохраняются. Он может быть стерт в крошку между противоположными допущениями, не допуская тем самым прямого трения между ними, либо разорван на части, но так чтобы принципы, слабо связанные друг с другом, могли действовать сообща. Социальная структура приобретает эластичность; индивид просто теряет душевное равновесие.

Пер. с англ. В.Г. Николаева[*]

[*] Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru